

К востоку от солнца

*К
востоку
от
солнца*

40-летию

НГУ

посвящается...

Стихотворения и поэтические зарисовки
отечественных и зарубежных поэтов
и писателей, а также студентов и преподавателей
Новосибирского государственного университета
посвящаются к юбилею 40-летия НГУ.

К востоку от солнца

Стихотворцы
Новосибирского
государственного
университета

Новосибирск

1999

К востоку от солнца

Стихотворцы
Новосибирского
государственного
университета

Сборник

Выходит в авторской редакции

Художник Ю. И. Кононенко

Дизайн, корректура Р. Х. Дериглазовой

Компьютерная верстка
О. Г. Заварзина, Е. И. Лукашук

Подписано в печать 11.08.99 г. Формат 60×84 1/16.
Офсетная печать. Уч.-изд. л. 18. Тираж 1000 экз. Заказ № 644

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998 г.
Издательский центр НГУ; 630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.

Отпечатано в типографии Сибирского полиграфического предприятия "Наука"
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25

Виктор ФЕТ

факультет естественных наук
1971 – 1976

Песня старика, собирающего бутылки

Ю. Жданову

Когда общежитья украшены флагами,
А также порою и в будничный день,
Я, как привиденье, брожу за общагами,
Кого-то из вас одряхлевшая тень.
Стою под балконом бездомной собакою
И в пьяные окна ору:
“Бросайте бутылки – зелёные, всякие;
Любую посуду беру!”

Зелёные стёкла, зелёное солнышко,
Пустые бутылки стучат в рюкзаке;
Я всё подберу – и разбитое донышко,
И горльшко той, что ты держишь в руке.
Об стенку удар – и пробка выскакивает,
И льётся вино по кровавым рукам;
Бросайте бутылки – зелёные, всякие;
Я всё подберу и продам!

В угаре хмельном только это спасение –
Бутылок пустых по углам не считать,
И выбросить всё, что набрал в воскресение,
Чтобы в Понедельник по новой начать!
Над кем-то смеются, кого-то оплакивают,
В кого-то пллюют в повседневном чаду;
И кружатся лица – зелёные, всякие;
И я под балконы иду.

Бросайте любовь и бросайте доверие!
Бросайте мечты, непривычные вам!

Бросайте быстрее, бросайте увереннее,
Я всё подберу и продам!

В мешке моём души пустые позвякивают,
Пустые, глухие, прожжённые до белизны –
Бросайте идеи – гуманные, всякие;
Лишь крепкая глотка и зубы нужны!

Пусть зубы мои одряхлели давно и повыпали,
Но молоды ваши, как этому следует быть.

Бросайте грустить! Вы ещё недостаточно выпили;
Бутылки нужны старику – значит, следует пить!
И окна общаги от грохота вздрогивают,
Когда под окном вечерами стою,
И ваши дрожащие руки в котомку мою
Бросают бутылки – зелёные, всякие...

Весна 1976
Новосибирск

Марш королевских егерей

А. Галичу

Мы под копьями были вскормлены
И под звуки фанфар взлелеяны,
И зачислены, оформлены,
Чтобы стали стройней и злее мы.

Сторонилось нас наше общество,
С омерзением говоря:
“Вот питомцы Его Высочества,
Белобрысые егера!”

Были шапки у нас заломлены,
Были копья надёжно смазаны,
И хлопки были обусловлены,
И в партере места заказаны,

И подняли мятеж на площади
Против Родины и царя

Адъютанты Его Высочества,
Лейтенанты и егера.

Оборвали кресты и бантики,
Разодрали пустые цифирки
От торжественной от Атлантики
до божественней до Пацифики.

И врубили нам электричество,
С уважением повторя:
“Вот гвардейцы Его Величества,
Королевские егера!”

Были гусли ли чьи-то звонче ли?
Были копья ли чьи остree ли?
С вороньём навсегда покончили,
Соловыиними взвились трелями.

Время шло уже не по-старому,
Значит, мучились мы не зря.
И засели над мемуарами
Повзрослевшие егера.

Но приказом Его Величества
Перестали нас издавать,
И с работ наших фотокопии
Запретили друзьям снимать.

Те, с кем были все беды пройдены,
Переполнили лагеря,
И погибли во славу Родины
Королевские егера!

1976
Бадыхз

Второй Одиссей

Олимпийские боги, не скрою,
Развлекались мы в юности бурной.

Мы глядели в бинокли на Трою,
Мы качались на кольцах Сатурна.

Ахиллес пот со лба только вытер,
Зачитавши бойцам манифести:
Комиссаром назначен Юпитер,
А щиты — это дело Гефеста.

А поручик Улисс, без махорки,
Всё на запад стремился, к заходу.
Шлем ахейский в музее, в Нью-Йорке,
Обозначен: “предмет обихода”.

Мёртв язык египтян да ацтеков,
Растворилася их ДНК.
Разбросало нас по свету, греков,
Но остался язык на века.

Были боги охочи до драки,
Обсуждая жену Менелая,
И землёю покроется Троя,

Но три тысячи лет на Итаке
Всё звенит тетива удалая,
Ударяясь в грудь Антиноя,
Удаляясь ударной волною...

Июнь 1995
Новый Орлеан

Фабр

Сонет

“Инстинкт, конечно, слеп”, — так пишет добрый Фабр
В томах, как Брем, с младенчества знакомых.
Не глуп и не умён, не робок и не храбр,
А просто слеп. Всё, как у насекомых.

И ныне, разгадав набор абракадабр,
Как ход жука в стволе, застрявший в хромосомах,
Мы зrim, как ген с инстинктом пляшут данс-макабр,
Где каждый новый шаг предполагает промах.

На юге Франции – полуденная нега.
Там хор цикад средь виноградников незрим.
Фабр пишет: "Слеп инстинкт. Он – альфа и омега".

И на мгновение почти не ощутим
Тот век, где хвалился и ижицей и азом
Побочное дитя инстинкта – разум.

26 февраля 1999

Песенка о генах

Человеческие гены –
Это маленькие боги,
Неразумны, неизменны,
Не найти без них дороги.

Нам отсчитывают дни,
Знают грамоте они.
Генетические коды –
В тесных строчках вязью чёрной –

Это правила природы,
Беззастенчивой и вздорной,
Управляющие нами,
Управляющие снами.

То длиннее, то короче,
Вторят высшему уму,
Отличая день от ночи,
Разделяя свет и тьму...

Если б генные скрижали
На себе изображали
Всё, чем тело и душа
Живы – мы бы не возражали,

Мы бы жили не спеша,
Мы бы жили постепенно,
Ничего не говоря,
Разворачивая гены

В первых числах января.
Нет, нельзя нам жить беспечно!
Времени разметив ход,
Нам даны, и с нами вечно

Начертанья нужных нот,
Но, не зная комбинаций,
Не открыть замка секрет –
И различны судьбы наций,

И не скрыться от мутаций,
И порядка в мире нет.
Ведь законы у природы,
Эти кодексы и коды,

Нарушаются всегда –
В этом есть своё значенье,
И надежда, и спасенье
От цинизма и стыда.

27 ноября 1998
Хантингтон

Линней

И человек, и лемминг, и трава
Имеют имя, милостью Линнея –
Блестящие, латинские слова.

Эпитеты называть умея
На сотни грамматических корней,
Со списками в руках бродил Линней

По чистым огородам и садам
Коротким летом в королевстве шведов,
Все травы называя, как Адам.

Безмолвие полуночных пустынь
Лапландии объездив и изведав,
Линней не забывал свою латынь.

Трудился он в пределах тех же линий,
Что начертали нам Платон и Плиний.
Прилежную природу естества

Он понимал, и общий знаменатель
Он отыскал для трав, зверей и птиц –
Их имя, форму, суть. Когда б Создатель

Нас мастерил без видимых границ,
Одним мазком, не уточнив детали
(Цвет глаз, размер, кому годимся в корм) –

Мы все бы, не имея чётких форм,
Переливались и перетекали
Из маски в маску. Жизнь была б легка.

Но мир отлит в ином материале,
И постоянна форма у цветка,
Какие пчёлы бы ни посещали

Его тычинки. Форма, суть, идея –
Их помнят и лопух, и орхидея.

11 января 1999